

‘ГАВРИИЛИАДА’ И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРТИНСКАЯ
ПОЭЗИЯ
(‘THE GABRIELIAD’ AND FRENCH LIBERTINE POETRY)

А. А. ДОБРИЦЫН
(A.A. DOBRITSYN)

Abstract

The article discusses Pushkin’s libertine poem ‘The Gabrieliad’ and identifies French eighteenth-century texts that may have served as models for the Russian poet. Contrary to earlier researchers’ statements, the author argues that there is at least one French text that treats the theme of the Annunciation in an irreverent way.

Keywords: *Gavriiliada*; *Pushkin*; *French Poetry*

В XVII-XVIII веках во Франции возникла и развилась обильная и богатая в жанрово-стилистическом отношении либертинская литература. В ней почти с самого начала различали либертинаж нравов и либертинаж мысли. Первый означал свободу поведения, прежде всего сексуального; второй – свободу мысли, прежде всего в сфере религии и морали. В обоих случаях речь шла, в основном, о свободе от ограничений религиозного характера. В церковной анти-либертинской литературе (чаще всего иезуитской) эти два типа либертинажа смешивались: вольнодумцев обвиняли в развратном поведении, а разврат рассматривался порою как косвенное свидетельство вольнодумства. Такой синкретический либертинаж хорошо известен по мольеровскому образу

Дон-Жуана. Сам термин либертин (“libertin”) претерпел эволюцию: в XVII веке он означал преимущественно вольнодумца (“esprit fort”), а в XVIII – преимущественно развратника.

Надо сказать, в обценных и порнографических сочинениях клирики были почти неизменными действующими лицами, так что повышенный эротизм и антиклерикализм действительно коррелировали.

С середины XVIII века либертинская литература мало-помалу проникает в Россию. Однако пересадить французскую традицию на местную почву было затруднительно. Во-первых, по причинам социальным и административным (русская цензура была гораздо строже, а наказания гораздо более свирепыми).¹ Во-вторых, к тому времени, когда русские авторы как следует ознакомились с произведениями французского либертинажа, в самой Франции он уже начал увядать. С умиранием культуры рококо либертинаж может и не исчез, но, по крайней мере, сильно видоизменился. Русская литература, однако, продолжала подпитываться ушедшими в прошлое формами литературы французской, в том числе, и либертинской. Вероятно, самым ярким проявлением этого несколько запоздалого влияния можно считать ‘Гавриилиаду’.

Первое обстоятельное и систематическое исследование ‘Гавриилиады’ было выполнено Б. В. Томашевским в 1922 г. (ниже она цитируется именно по этому изданию). Томашевский указал на многочисленные совпадения между текстом пушкинской поэмы и известными произведениями французской поэзии. Он отметил разительное сходство различных пассажей ‘Гавриилиады’ с *Орлеанской девственницей* Вольтера, с *Войной богов* и *Потерянным Раем* Эвариста Парни (Томашевский 1922: 70-73); заметил также влияние отдельных строк и образов из Мильтонова *Потерянного Рая* в переводе Делиля (73). Некоторые параллели отмечались еще до Томашевского, причем исследователи усматривали основной образец в поэмах Парни. На самом деле, из Парни и Вольтера Пушкин заимствовал, вместе с некоторыми приглянувшимися ему деталями, в основном стилистику.

Здесь стоит сделать отступление о поэтическом языке. Коль скоро он является именно языком, т. е. устойчивой системой знаков, то знаки эти, как общее достояние, принадлежат всем. Различные риторические или нарративные элементы текста могут стать элементами поэтического языка. Если такие элементы часто повторяются в одной литературе, они могут превратиться в клише и восприниматься как клише (т. е. негативно). Но если они приходят из чужой, более богатой литературной традиции, то кажутся новыми и свежими.

Пушкин знал французскую поэзию не хуже, чем русскую и усвоил себе многие конструктивные элементы либертинской поэзии XVIII века. Он пользовался ими так же свободно, как устойчивыми выражениями и

фразеологизмами. Поэтому мы находим в 'Гавриилиаде' множество пассажей, знакомых нам по французской легкой литературе. Например:

[...] Бровь темная, двухъ девственныхъ холмовъ	[...] elle a deux petits monts charmans,
Подъ полотномъ упругое движенье,	un nez en l'air, deux arcs d'ébène:
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ [...]	elle a le pied mignon d'Hélène [...]

(7)

Le Paresseux (Par M. de Br**) (AM 1783: 157-158)

* * *

[...] Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей,
Чего-то онъ краснорѣчиво просить,
Одной рукой цвѣточекъ ей подносить,
Другую мнетъ простое полотно
И крадется подъ ризы торопливо,
И легкій персть касается игриво
До милыхъ тайнь...

(16)

Il glissa sa brûlante main
Sur le neige de son beau sein,
Dont il prétend fondre la glace ;
Et la tenant entre ses bras,
Il ose porter son audace
Sur un lieu plus saint & plus bas.
Là, sans respect & sans relâche,
Il cherche l'objet de ses vœux,
Et trouve ce lieu bienheureux
Dessous la jupe qui le cache.
De ses doigts tremblans & hardis
Il prend le sombre Paradis
Qui donne l'enfer à nos ames [...]

L'Occasion perdue recouvrée, ou
Les Amours de Lisandre
(PL 1772: 84-85)

Таким образом, элементы французского поэтического языка у Пушкина имеются. Однако, как справедливо утверждает Томашевский, бытовавшее "мнѣніе, что Пушкинъ использовалъ готовый сюжетъ, заимствуя его изъ кощунственно-порнографическихъ поэмъ Парни", неосновательно (Томашевский 1922: 55), ибо во французской поэзии XVIII века не было обнаружено произведения, которое хотя бы отчасти совпадало с 'Гавриилиадой' в сюжетно-композиционном отношении.

М. П. Алексеев продолжил работу Томашевского, привлекая, в частности, материал западноевропейских новелл о "мнимом благовещии" (Алексеев 1972: 292-298). В этих новеллах рассказывается о том, как предприимчивый сосед или священник соблазняет наивную соседку или прихожанку, выдавая себя за архангела Гавриила.

Дав краткий очерк европейских пародийных изложений библейских сюжетов, М. П. Алексеев отмечает "отсутствие благовещения в

темах средневековых пародий”. По его мнению, в те времена “о намеренно кощунственном подходе к теме не могло быть и речи” (317). В конце своего труда исследователь признается, что все известные данные “заставляют нас вопрос об источниках сюжета ‘Гавриилиады’ оставить открытым” (325).

Действительно, сюжеты, рассмотренные Алексеевым, имеют лишь косвенное отношение к ‘Гавриилиаде’. У Пушкина ведь речь идет не о мнимом, а о самом настоящем благовестии, он не заменяет евангельских персонажей на другие (заставляя, например, исповедника играть роль архангела Гавриила), а травестирует их и досочиняет подробности сюжета. Причем это домысливание “неканонических” сюжетных поворотов обусловлено самим травестированием, то есть, в конечном итоге, стилистикой.

‘Гавриилиада’ представляет собой бурлескное изложение известного эпизода из священной истории. Автор перелицовывает евангельский рассказ о Благовещении (Евангелие от Луки, 1: 26-34), варьирует и развивает его, добавляя эпизоды, где Сатана соблазняет Марию, затем архангел Гавриил, заставший их вместе, дерется с Сатаной, побеждает его и в свой черед соблазняет Марию.

В жанрово-стилистическом отношении ‘Гавриилиаду’, как и *Войну богов* Парни, можно определить как легкий бурлеск. Снижая высокий сюжет, Пушкин и Парни низводят его не до площадного стиля, как Скаррон или Котляревский, а лишь до манеры “*poésie légère*”. Поэтому бурлеск ‘Гавриилиады’ оказывается “легким” в двух смыслах: в смысле “половинчатости” (она “слегка бурлескна”) и в смысле поэтической “легкости”.

Классики бурлеска (например, Скаррон) выбирали для травестирования античные эпические поэмы, прежде всего *Энеиду*, однако во французской традиции представлены и бурлескные переложения библейских сюжетов. Многие из них относятся к жанру водевиля, точнее, к его разновидности, называемой “*pot-pourri*”. Каждая строфа (куплет) попури поется на мотив какой-либо известной арии (каждый раз иной), соответственно меняется и метрическая структура куплетов.

Одной из основных жанровых моделей для бурлескных попури на сакральные темы стало “Искушение св. Антония”. В известном сборнике *Porte-feuille d'un Homme de Goût* (1765, II: 211-216) оно было помещено в разделе водевилей за подписью Седена (Sedaine); впоследствии печаталось анонимно в разных сборниках; несколько раз выпускались дорогие иллюстрированные издания с нотами, где “Искушение св. Антония” фигурировало вместе с другим аналогичным сочинением – *Попурри о Лоте* Пуансине (Poinsinet).

В 1783 г. появился составленный Ф. Р. Ж. де Поммерелем сборник *Теологические сказки с последующими литаниями католиков восемнад-*

цатога века и с эротико-философскими стихотворениями (СТ 1783).² Вторая часть *Теологических сказок* (т. е. собственно *Литании католиков*) содержит ряд бурлескных “песнопений” (“Cantiques”) на религиозные сюжеты: уже упоминавшиеся ‘Cantique de Saint Antoine’ и ‘Cantique de Loth en Pot pourri’ (в форме попури), а также написанные регулярными строфами ‘Cantique de Saint Roch’, ‘Cantique de Salomon’ и т. п.; завершает этот ряд ‘Cantique de Saint V...’ (т. е. ‘Песнопение о Святом Х...’). Среди этих “песнопений” имеются два, связанных с историей благовещения: ‘Cantique de l’Incarnation’ и ‘Cantique de Conception’.

В 1792 г. вышли в свет *Contes et Poésies du C. Collier, Commandant-Général des Croisades du Bas-Rhin*. Первый том содержал 43 сказки и одну эпиграмму, во втором имелись, кроме сказок, различные произведения легкой поэзии, в том числе песни и три бурлескных *Cantiques* в форме попури. Последние (продолжавшие традицию ‘Cantique de Saint Antoine’ и ‘Cantique de Loth’) в непочтительном тоне и с малопристойными подробностями пародировали три библейских истории: Юдифи, Иевфая и Самсона.³

В том же стиле написана и наиболее интересующая нас анонимная поэма ‘Pot-pourri sur l’Annonciation. Cantique’, напечатанная в сборнике *Petit neveu de l’Arretin, Ouvrage posthume trouvé dans le porte-feuille de son grand oncle. A Rome, Chez don B... [Bougre] aux trois Pucelles*, вышедшем в 1800 г.⁴

В отличие от упомянутых выше ‘Cantique de l’Incarnation’ и ‘Cantique de Conception’ из *Теологических сказок*, где история Благовещения излагалась фривольно-бурлескно, но кратко и сухо, без всяких живописных подробностей и сюжетных поворотов, ‘Попурри о Благовещении’ разворачивает действие в духе, более близком к ‘Гавриилиаде’. Оно начинается с того, как Творец, разгневанный на род людской за многочисленные прегрешенья и “готовый послать вселенную к дьяволу” (PNA 1800, 84: “Prêt d’envoyer l’Univers / Au diable, au diable, au diable”), решает все же не устраивать нового потопа, а избирает более мягкие средства (“De la douceur prenons la voie”) и призывает к себе архангела Гавриила:

Aussi-tôt il appelle
Gabriel, son ministre fidèle,
A sa voix éternelle,
L’ange qui l’entendit
Se rendit
Et Dieu dit.

Vers Nazareth il est une pucelle,
Son rang est humble, et Marie est son nom.
Va la trouver, mon fils, c’est la nacelle

Du genre humain prêt à couler à fond.

La poulette est un bloc
 Dur et frais comme un roc;
 Sois-en l'amoureux coq;
 Je l'ai formée ad hoc.
 Il naîtra de ce choc
 Un grivois dont l'estoc
 Ravira l'homme au croc
 De l'infernal escroc.

Dieu voyant
 Le galant
 Qui balance,
 Lui fait faire de Vulcain
 Le saut, et dit Faquin,
 Prends-moi la diligence.

Va, descends,
 Parle et sans
 Périphrase.
 L'ange à bas tombe étourdi,
 Que Dieu n'a pas fini
 Sa phrase.

(PNA 1800: 84-86)

("Он <Творец> зовет Гавриила, верного слугу, ангел является на звук его голоса и Бог говорит: близ Назарета есть дева низкого сословия, именем Мария. Отыщи ее, сын мой, это челнок [т. е. спасательная лодка] для рода человеческого, готового пойти ко дну. Эта курочка крепка и свежа, будь ее возлюбленным петушком, я приготовил ее специально для этого. От этой встречи родится молодчик, который спасет человека от клыков адова мошенника. Увидев, что ухажер колеблется, Бог заставил его совершить Вулканов прыжок и молвил: Поторопись-ка, каналья. Давай-ка, спускайся и сообщи [, что должен,] без уверток. Оглушенный ангел упал вниз, не успел еще Бог закончить фразу.")

В попури Гавриил колеблется и медлит (как медлит он и в 'Гавриилиаде'), не слишком стремясь выполнять поручение, и его приходится "поторопить". Творец, сбрасывающий Гавриила, сопоставляется с Зевсом, швырнувшим с Олимпа Гефеста (Вулкана). Сопоставление с верховным божеством греческого Пантеона есть и в поэме Пушкина:

И Царь небесь, не говоря ни слова,
 Съ престола всталъ, и маниємъ бровей
 Всѣхъ удалилъ, какъ древній Богъ Гомера,
 Когда смирялъ безчисленныхъ дѣтей [...]

Ангел падает на землю, изрядно при этом пострадав, а затем направляется к Марии, которая в этот момент помышляла о вечернем туалете и предавалась тому, что именуется “уединенным наслаждением”. Тот же мотив присутствует в стихах 483-491 ‘Гаврииллиады’ (т. е. эпизод отнесен к следующему этапу развития сюжета):

Il eut dans cette aventure
Sur le corps mainte blessure [...] ⁵
Tous les membres brisés... hors
Un trop utile alors
Au monde.
Il se traîne cahin caha
Chez la princesse qui déjà
Songeait à sa toilette,
Eh bien!
Et faisait en cachette,
Vous m’entendez bien.
(PNA 1800: 86)

Ср.:

Она зоветь тихонько Гавриила,
Его любви готова тайный дарь,
Ночной покровь ногою отдалила,
Довольный взорь съ улыбкою склонила,
И, щастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ!⁶
Но между тѣмъ въ задумчивости нѣжной
Она грѣшить, – прелестна и томна,
И чашу пьеть отрады безмятежной.

(Мотив встречается и в стихах 340-356, обращенных к бывшей возлюбленной поэта.)

Далее ангел объясняет цель своего посещения, демонстрируя в качестве верительной грамоты единственный не пострадавший при падении орган. Несмотря на отговорки девы, ангел затевает любовную борьбу, не хуже придворного пажа:

Tout en recevant ses excuses,
L’ange engageait le doux combat d’amour,
Il en connait toutes les ruses,
Un ange vaut un page de cour...
Il, etc.
(PNA 1800: 87)

У Пушкина аналогично ведет себя сатана, – мы уже цитировали выше соответствующее место из ‘Гавриилиады’ (“[...] Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей...” и т. д.), сопоставляя его со стихотворением ‘L’Occasion perdue recouvrée, ou Les Amours de Lisandre’, устойчиво приписываемым Пьеру Корнелью.

После непродолжительного и условного сопротивления девы ангел без труда одерживает верх:

L’ange fit son annonce
 Avec tant d’onction
 A ce vâse d’élection,
 Que pour toute réponse
 A l’ave maria,
 La vierge s’écria:
 Ah!
 (PNA 1800: 89)

Ср. в эпизоде с сатаной в ‘Гавриилиаде’: “Вскричала: ахь!.. и пала на траву...”⁸

В какой-то момент мешать “занятиям чувствительной четы” приходит Иосиф. Ангел должен скрыться, но обещает Марии снова прийти:

L’ange, à ce bruit,
 S’échappe et dit:
 Ma mie,
 Vous perdez, mais
 Je vous promets
 Revanche
 Serrez bien le jeu,
 Je reviens dans peu,
 Nous y rejourons dimanche[.]
 (PNA 1800: 90)

(Аналогично и в ‘Гавриилиаде’ архангел продолжает и после благоговения посещать Марию: “Но Гаврииль – завидная судьбина – / Не представлял являться ей тайком”.)

Иосиф сильно бранит жену, невзирая на все ее объяснения, но в конце концов вынужден смириться:

Mais à la fin Joseph se tait
 Comme tout bon cocu fait;
 De son mieux il entretenait,
 Nous dit l’évangile,
 En époux docile,
 Et la poulette et le poulet,

Comme tout bon cocu fait.
(PNA 1800: 93)

Ср. близкий пассаж в 'Гавриилиаде':

Какъ многіе, Іосифъ быть утѣшень,
Онъ предъ женой по прежнему безгрѣшень.
Христа любилъ какъ сына своего,
За то Господь и наградилъ его.

Как видим, вопреки мнению Алексеева, кощунственное переложение истории благовещения имеется во французской литературе.⁹ Было бы слишком смело настаивать на том, что именно 'Попурри о благовещении' послужило сюжетным образцом для пушкинской 'Гавриилиады'. Несомненно, целый комплекс мотивов в обоих произведениях один и тот же. Но отчасти сходство это объясняется скорее типологической конвергенцией, нежели генетической связью. Обе пьесы относятся к классу легкой фривольной поэмы. Стилистически они различны (бурлеск и галантная эротика), но принадлежность сюжета и ситуации к одному типу (старый муж и молодой красавец, соблазняющий его жену) уже сильно повышает вероятность совпадений, т. е. наличия общих поэтико-языковых конструкций. Одинаковость же основного сюжетного хода можно объяснить, как сказали бы формалисты, тем, что для обеих поэм характерна идейная установка на либертинаж (как нравов – "libertinage de mœurs", так и мысли – "libertinage d'esprit") в сочетании с жанровой установкой на бурлеск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, сохранилось крайне мало русских антиклерикальных, а тем более кощунственных эпиграмм, в то время как французская поэзия изобиловала такого рода продукцией. Единственный известный мне русский пример – эпиграмма Д. П. Горчакова "Попам заграждена всегда во ад дорога...", переведенная с французской сказки "L'Autre jour frère Jean mourut de la gravelle..." (Добрицын 2008: 72-73).

² По крайней мере одно из входивших в него стихотворений ('Le Paradis terrestre') переводилось на русский язык (Добрицын 2008: 153-154).

- ³ По мнению французских библиографов (Collier 1881: IV-X), книга написана либо Никола-Тьерри Жакмаром (Nicolas-Thierry Jacquemart, ок. 1730, Sedan-1803, Villers-Cernay), либо его братом, издателем Никола-Франсуа (Nicolas-François Jacquemart, 1735 Sedan-1799 Paris, Hôpital de Charité). Из предисловия к *Сказкам* 1792 года ясно, что псевдоним “с. Collier” следует понимать не как *citoyen Collier*, а как *cardinal Collier*, то есть как намек на кардинала де Рогана, “прославившегося” своим участием в знаменитом деле о колье королевы – *collier de la Reine* (см. также Collier 1881: VII).
- ⁴ Это попури по разным чертам очень похоже на упомянутые *Cantiques* “кардинала” Колье, можно даже выдвинуть весьма рискованное предположение, что автор у них один и тот же.
- ⁵ Пушкин дает понять, что этот орган полезен именно в любовной битве: “Впился ему въ то м□сто роковое, / (Излишнее почти во всякомъ бо□), / Въ надменный члень, которымъ бѣсъ грѣшилъ.”
- ⁶ Томашевский справедливо сопоставляет эти строки со следующим пассажем из ‘*La Guerre des Dieux*’: “Il faisait chaud : cette vierge en dormant / A dérangé l’utile vêtement / Qui la couvrait: la robe se replie / Et laisse voir ce qu’on ne vit jamais; / Sa jambe nue et sa cuisse arrondie / En s’écartant semblent chercher le frais” (Томашевский 1922: 71-72). Однако два пушкинских стиха напоминают также одно из ‘Посланий’ Клода-Жозефа Дора: “Une langueur qui m’intéresse / Se peint dans ses yeux ingénus, / A l’aspect de ses charmes nûs, / Et du desir qui les caresse” (ср. Добрицын 2008: 461-468).
- ⁷ Здесь пропуск текста: вероятно, типографу не хватило места внизу страницы.
- ⁸ Клишированная формула французских галантных песенок, ср. в пародийных куплетах Бакюляра д’Арно: “L’Amour souÿrit, / La jeune Bergere rougit, / L’Amour la pressa, / Elle céda, / S’écria, / Ah!” (Arnaud 1751, III: 241).
- ⁹ Здесь уместно вспомнить, что по свидетельству Н. С. Селивановского, князь Дмитрий Петрович Горчаков был автором “Г<авриилиады>, глупой [...] поэмы, напечатанной и переведенной им с французского” (цит. по: Алексеев 1972: 305). Свидетельство это считается крайне ненадежным, хотя в нем неспроста упомянут именно Горчаков (ср. сноску 1). В чисто спекулятивном порядке добавим, что существует несколько французских произведений, которые могли бы послужить моделью для гипотетической ‘Гавриилиады’ Горчакова: такое название можно дать и тому попури, о котором шла речь в настоящей статье, и, скажем, поэме Шарля Борда ‘*Parapilla*’ (вспомним, что ее итальянский оригинал имеет название ‘*La novella dell’Angelo Gabriello*’).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, М. П.
1972 ‘Заметки о “Гавриилиаде”’. М. П. Алексеев, *Пушкин*. Ленинград, 281-325.
- Добрицын, А. А.
2008 *Вечный жанр: Западноевропейские источники русской эпиграммы XVIII-начала XIX века*. Slavica Helvetica, Vol. 79. Bern etc.
- Томашевский, Б. В.
1922 [Комментарии], А. С. Пушкин, *Гавриилиада, поэма*, Ред., прим. и комм. Б. Томашевского. *Труды Пушкинского дома*. Петроград, 23-111.
- AM
1783 *Almanach des Muses*. Paris.
- Arnaud, F.-T.-M. de Baculard d’
1751 *Œuvres diverses*, т. III. Berlin.
- Collier
1792 *Contes et Poésies du C. Collier, Commandant-Général des Croisades du Bas-Rhin*, т. I-II. Saverne.
- 1881 *Contes à rire D’un nouveau genre et des plus amusants par le citoyen Collier Commandant des Croisades du Bas-Rhin. Nouvelle édition augmentée d’une note bibliographique par le CHEVALIER DE KATRIX*. Bruxelles.
- CT
1783 *Contes théologiques, Suivis des Litanies de Catholiques Du Dix-Huitieme Siecle et de Poésies Erotico-philosophiques; ou Recueil presque édifiant* [Par Fr.-R.-J. de Pommereul], Paris.
- PHG
1765 *Le Porte-feuille d’un Homme de goût, ou l’Esprit de nos meilleurs Poètes* [recueilli par l’abbé J. de La Porte], т. 1-2. Amsterdam.
- PL
1772 *Parnasse Libertin, ou Recueil de Poésies libres*. Paillardisoropolis.
- PNA
1800 *Petit neveu de l’Arretin, Ouvrage posthume trouvé dans le portefeuille de son grand oncle. A Rome, Chez don B... [Bougre] aux trois Pucelles*.